

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЭПИСТЕМОЛОГИЯ НАУКИ И ТЕХНИКИ

Т.Ю. Сидорина

Рефлексия о технике в социальной мифологии В.Ф. Одоевского: финал романтического механицизма*

Сидорина Татьяна Юрьевна – доктор философских наук, профессор. Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Российская Федерация, 101000, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20; e-mail: tsidorina@hse.ru

Статья посвящена зарождению рефлексии о технике в русской философии и литературе XIX–XX вв. В центре нашего внимания вопросы технического развития и самого феномена техники в творчестве выдающегося представителя русской романтической традиции – Владимира Федоровича Одоевского – философа, ученого, литератора и музыкального критика. Обращение к идеям Одоевского представляет особенный интерес в современных условиях формирования технического общества и технологической перспективы. Именно с достижениями механики и техники Одоевский соотносит упования о благом развитии человека и общества, связывает просвещение и образование молодежи. Вместе с тем Одоевский видит опасность, которая таится в механицизме и рассудочном знании. Этой опасностью станет утрата целостности, распад и опустошение, которые постигнут мир, переживший кризис культуры. Обращаясь к творчеству мыслителя, мы прослеживаем тенденции в рефлексии о технике с философских исследований выступает противопоставление В.Ф. Одоевским технического и поэтического как векторов социального развития. В результате проведенного анализа автор статьи приходит к амбивалентной оценке роли техники Одоевским, противопоставлению романтизации техники негативным перспективам «промышленного», «эгоистического» века, которые получают дальнейшее развитие в отечественной и зарубежной философии техники и антиутопии XX и XXI вв. В своих футуристических проектах Одоевский обнаруживает потенциал научного предвидения, претворенный в достижениях

* Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда, проект № 23-28-00273 «Рефлексия о технике в русской философии культуры XX–XXI веков как ответ на антропологический кризис и технократический императив современности». URL: <https://rscf.ru/project/23-28-00273/>

современной науки и техники. Переход в оценках техники от идеализма к научному реализму и позитивизму, рассуждения социальной направленности («Русские ночи», 1844), ключевое в концепции Одоевского противопоставление романтизации техники негативным перспективам технической экспансии получает дальнейшее развитие в отечественной и зарубежной философии техники XX и XXI вв. Современное обращение к рефлексии о технике в русской философии и литературе обусловлено экспансивным внедрением техники в жизнь общества, отказом от этической нейтральности и тенденцией к автономности, а также востребованностью современного образовательного процесса, университетских программ подготовки специалистов как гуманитарной, так и технической направленности.

Ключевые слова: техника, романтизм, будущее, механицизм, В.Ф. Одоевский, социум, образование, музыкальное, поэтическое

Техника: от романтизма к унификации

Вопрос о технике уже давно в повестке научных дискуссий, среди фантазий писателей, кинематографистов, создателей игровой индустрии; что, если не техника, определяет современные тенденции развития общества и человека?

Но часто ли мы вспоминаем, что понятие «техника» (от др.-греч. τεχνικός, от τέχνη – искусство, мастерство, умение) берет начало в древней истории и охватывает широкий спектр пограничных значений, таких как техника или искусство умелого врачевания, игры на музыкальных инструментах, танца, стихосложения и прочих составляющих широкого спектра атрибутов пространства прекрасного.

Отношение к технике и сама трактовка этого понятия эволюционировали в истории. За прошедшие века техника утратила не только присущую ей причастность пойсису (от др. греч.: ποιήσις), но и ореол этической, моральной и социальной нейтральности. XX столетие связывают с невероятной технической экспансией: рост промышленного производства, характер и последствия мировых войн, освоение космоса; XXI в. называют технической, информационной, цифровой эпохой – современные технологии, как представляется, способны изменить мир до неузнаваемости. Пережив социокультурный кризис, человечество доверилось технике как власти инженеров и менеджеров (Т. Веблен, Дж. Бернхейм), унифицирующей технике работы (Э. Юнгер), технике как идеологии (Ю. Хабермас), высокотехнологичной медицине, искусству технических инсталляций, проектам трансгуманизма и киборгизации. Однако с упованием на возможности технических преобразований, независимость технического управления, чистоту оценок технической экспертизы, нарастала тревога и критическое отношение к последствиям технического развития. Эту тревогу выразили представители гуманитарного направления философии техники, к которым можно причислить большинство выдающихся мыслителей России и Западной Европы: Вл. Соловьев, Н. Бердяев, Б. Вышеславцев, Э. и Ф. Юнгеры, М. Хайдеггер, Ж. Эллюль и др. В 1960-е гг. проекты Римского клуба вызвали рост сопротивления техническому освоению Земли, ее недр и поверхности. Предупреждения ученых не остановили тотальной технизации, обусловленной в том числе и экономически.

В первые десятилетия XX столетия техника подверглась той же нивелировке, как весь мир труда и созидания; вместе с тем техника становится если не второй, то третьей природой, а в XXI в. – не посягает ли техника (в своей прогрессирующей мощи и автономности) на место «умершего Бога»?

У истоков философской рефлексии о технике

В статье мы обращаемся к творчеству Владимира Федоровича Одоевского – ученого, мыслителя, представителя романтической традиции в философии и литературе, последователя Ф. Шеллинга и Э. Гофмана. Литература всегда была любимым поприщем Одоевского. Его перу принадлежат новеллы, сказки, множество статей на самые разные темы, неоконченный фантастический роман. Наследуя великим утопистам прошлого, Одоевский посредством социальной мифологии конструирует образ будущего [Акимова, 2016]. В 1835–1839 гг. Одоевский пишет футуристический роман «4338-й год: Петербургские письма. Взгляд на будущее» (1835–1839), в котором делает серьезные технологические прогнозы.

В центре нашего внимания роман Одоевского «Русские ночи» (1844), который завершает эпоху романтизма в России. В романе Одоевскому удалось отразить основные коллизии своего времени. Произведение содержит в себе неразрешимые противопоставления, антитезы романтического и обыденного, фантастического и реалистического, поэтического и утилитарного, что неизбежно приводит к кризису, который вскоре будет переживать европейское человечество, и который задолго до его наступления сумел почувствовать последний русский романтик.

В романе «Русские ночи» Одоевский предстает критиком научной рациональности, рассудочности, абсолютизации расчетов и цифр; но в то же время и жертвой своих прозрений. «На фоне русской литературы XIX века, полной творческой жизни, Одоевский... один пишет не от полноты, а от недостатка, от пустоты и одиночества, задыхаясь... Ему одному не хватает воздуха...» [Горлин, 2007].

Труды Одоевского содержат истоки рефлексии о технике, развитие которой мы находим в работах отечественных философов – представителей русского религиозного ренессанса. В своем романе Одоевский предупреждает о грозящей опасности технического всевластия, но и безоговорочно верит в искусство, видит перспективу поворота к прекрасному, важность поэтического начала в человеческой жизни, способность музыки выразить невыразимое. На протяжении повествования, через дискуссии героев романа, Одоевский прослеживает упадок поэтического для человека и общества, обеднение нравов, замену поэтического утилитарным/полезным: «рисую картину общественной жизни, рассказывая историю жизни отдельного человека... В. Одоевский не в последнюю очередь рассматривает их с точки зрения того, какое место в этой жизни занимает поэзия... В рассказах “Бригадир”, “Бал”, “Насмешка мертвеца”, “Последнее самоубийство”, “Город без имени”... рисуется мир, лишенный поэтического, – и он выглядит как потерянный и страшный мир» [Маймин, 1975, с. 276].

Опережая время, Одоевский осознает опасность разобщения поэтического и технического, опасность утраты техническим связи с искусством, поэтическим и музыкальным – и, соответственно, утраты человеком целостности, а миром – единства и целесообразности.

Эстетическое очарование техники: музыкальное в техническом

Музыкальное в романе

Музыка и музыкальное играют значительную роль в романе Одоевского, которого с полным правом можно отнести к числу представителей такого направления в музыковедении, как философия музыки. В статье Е.А. Тахо-Годи «О восприятии творчества В.Ф. Одоевского А.Ф. Лосевым: явное и потаенное» мы читаем, что творчеством Одоевского автор «Логик как предмета музыки» интересовался всю жизнь. Лосев признавался в интервью 1983 г., что «Одоевского любил “всегда” – за его роскошный романтизм, изысканную фантастику, проникновенную философию музыки (курсив мой. – Т.С.) и здоровые национальные чувства» [Лосев, 1983, с. 29].

«Русский Фауст», как называют Одоевского, в своих произведениях сумел охватить весь спектр своих познаний и увлечений, включая, казалось бы, очень далекие пространства музыки и техники.

Музыкант, композитор, создатель музыкальных инструментов, Одоевский привнес свою одержимость музыкой в литературные и философские сочинения. Исследователи творчества Одоевского обращают внимание на музыкальный принцип композиции романа «Русские ночи» (см., напр.: [Гудимова, 2021; Качков, 2021; Миура, 2019; Маймин, 1975]¹). В романе имеет место не поступательное, а возвращающееся повествование (в музыке это характерно для таких форм, как рондо, соната, романс); композиция романа имеет музыкально-лейтмотивный характер, а сам сюжет строится на развитии лейтмотивов-мыслей [Маймин, 1975, с. 264].

Одним из центральных лейтмотивов романа является обращение к роли поэзии и поэтического. В свою очередь, поэтическое начало, согласно В. Одоевскому, полнее всего проявляется в музыке.

Столь высокая оценка Одоевским музыки не случайна. Создатель русского музыковедения Одоевский, обосновавшись в начале 1830-х гг. в Санкт-Петербурге, открывает в своем доме музыкально-литературный салон. «Середина XIX в. в Петербурге – эпоха музыкально-литературных салонов, собиравших цвет русской литературы и музыки. Салон Одоевского называют первым среди лучших, в котором бывают Ф. Достоевский, Н. Гоголь, И. Тургенев, русские и зарубежные музыканты: Глинка, Берлиоз, П. Виардо» [Достоевская, 1992].

¹ Подобное сравнение литературного и музыкального произведений мы находим в исследованиях творчества более позднего современника Одоевского – Ф.М. Достоевского (см.: [Бахтин, 2002; Гозенпуд, 1981]).

Эпоха прекрасных изобретений: музыкальная механика

Испытав влияние европейской культурной традиции, Одоевский передает в своем творчестве характерное этой культуре возвышенное отношение к механизму, взаимопроникновение механического и эстетического.

Широко распространенные в XVI–XVIII вв., искусно выполненные механизмы: микроскопы, суммирующие машины, измерительные приборы – свидетельство изобретательности и эстетического оформления. Свойственное эпохе слияние механического и музыкального, механического и театрального – воплощение исторической трактовки «техне». Особый интерес и восхищение вызывали машины музыкального театра эпохи барокко: «Луиджи Риккони (1673–1753) в своей “Истории театра” 1738 года пишет о сложных трансформационных аппаратах театральных архитекторов и инженеров Джованни и Оттавио Лодовико Бурначини из Вены: “Машины работают благодаря магии и чудесному. Поэтому следует непрерывно вызывать в памяти устройство сцены и все, что на нем явлено через систему балок перекрытия, канаты, гири и противовесы, – чтобы защититься от обмана наших чувств, которые заставляют нас поверить, что все, что мы видим, подлинно”» [Лацардциг, 2010, с. 129].

Следует сказать и о музыкальных автоматах (игрушках) XVIII в., как раз предгофмановского времени. Это была эпоха расцвета музыкальных автоматов. Для них писали специальную музыку [Булычева, 2004]. Например, у В.А. Моцарта и др. есть пьесы для механического органчика в карманных часах (Адажио фа минор и аллегро фа мажор для механического органа в часах (1790), KV594). С подобными игрушками мы встречаемся в сказках Г.Х. Андерсена («Соловей», 1843). Э.Т.А. Гофман посвящает специальную главу «Крейслерианы I» театральному машинисту («Совершенный машинист», 1814).

Наконец, в период позднего Возрождения и в эпоху барокко в Западной Европе невиданный размах приобретает органостроение². Орган представлял собой одновременно и механизм невероятной сложности, и произведение искусства. Оформление корпуса большого акустического органа иногда представляло не меньшую художественную ценность, чем его звучание.

Органу также посвящали музыкальные произведения, среди которых «Великолепная машина» (Wondrous Machine) крупнейшего представителя раннего английского барокко Генри Пёрселла [Purcell, 2016].

И вот в этой точке нашего рассмотрения мы хотим обратиться к рефлексии Одоевского о технике в ее единстве, слиянии с музыкой и музыкальным.

² Орган (лат. *organum* из др.-греч. ὄργανον – инструмент, орудие) – клавишный духовой музыкальный инструмент. Большие концертные органы превосходят по габаритам все прочие музыкальные инструменты. Основу конструкции органа составляют духовые трубы разной длины и диаметра, устройство для нагнетания воздуха, пульт с клавиатурами, трактура. Звуковое своеобразие органа определяют специфические тембры («регистры»), набор которых индивидуален для каждого инструмента.

Следует сказать, что Одоевский также является создателем своеобразного клавишного музыкального инструмента (энгармонический клавицин), конструкция которого позволяла воспроизводить особенности русского народного мелоса³. Создание этого инструмента, несомненно, связано с обращением Одоевского в 1860-е гг. к изучению русской народной песни. Именно в это время появился ряд исследований Владимира Федоровича на эту тему. Энгармонический рояль должен был помочь ему в воспроизведении народных мелодий с их далеким от европейской темперации строем.

Увлечение Одоевского музыкальными механизмами отразилось в его литературных произведениях. И прежде всего – в его знаменитой сказке «Городок в табакерке», действие которой происходит в музыкальной шкатулке, в чем-то напоминающей «Паскалину» (создание философа, математика и изобретателя Блеза Паскаля (1642) – образец изобретательности и эстетического оформления) – шкатулочку с чудесным механизмом.

Символично, что Одоевский завершает роман «Русские ночи» новеллами о великих музыкантах Л. ван Бетховене и И.С. Бахе. Это новеллы-притчи, причем рассказ о Бахе представляет собой рассказ в рассказе, в котором автор сотворил гимн не только великому музыканту, но и органу, великому инструменту – воплощению технического совершенства.

Владимир Одоевский был пропагандистом и исследователем творчества Себастиана Баха (как он называет композитора в романе), он открыл его для России через много десятилетий после смерти композитора.

Одним из центральных сюжетов новеллы стал рассказ о том, как юноша Бах испытал невероятное потрясение при первой встрече с «великолепной машиной» – органом, и как эта встреча отразилась на его творчестве [Одоевский, 1975, с. 67–68].

«Вдруг он (Себастьян Бах. – Т.С.) смотрит: четверугольные столбы поднимаются с мест своих, соединяются с готическими колоннами, становятся ряд за рядом, еще... еще – и взорам Себастиана явилось бесконечное, дивное здание, которого наяву описать не может бедный язык человеческий. Здесь таинство зодчества соединялось с таинствами гармонии... Все здесь жило гармоническою жизнью, звучало каждое радужное движение, благоухал каждый звук, – и невидимый голос внятно произносил таинственные слова религии и искусства...» [Там же, с. 67–68].

Опасность рассудочного знания: эгоистический мир техники

Парадоксальность романа Одоевского в соединении, казалось бы, несоединимого; в амбивалентности его концепции, в которой романтизации и эстетизации механического противостоит эгоистический мир техники, лишенный поэтического.

У Одоевского техника еще полна романтическим, механизм наделен свойствами чудесного, готов к волшебным превращениям, но XIX в. – канун

³ В 1864 г. по специальному заказу Владимира Федоровича был изготовлен «энгармонический» рояль. Отличительной особенностью этого инструмента было введение дополнительного ряда клавиш.

тотальной технизации, рационализированной прагматики. Одоевский не может не видеть этих тенденций и не говорить о них.

Опережая время, Одоевский осознает опасность разобщения поэтического и технического, нарастающее противостояние «живого и формального, мертвого», преодоление полезным бесполезного, которое, по мысли Одоевского, «может быть, даже более существенно, нежели “полезное”» [Маймин, 1975, с. 267].

Общество в отсутствие поэтического Одоевский сопоставляет с безжизненными математическими выкладками: «И люди приняты за математические цифры; составлены уравнения, выкладки, все предвидено, все расчислено; забыто одно – забыта одна глубокая мысль, чудно уцелевшая только в выражении наших предков: счастье *всех* и *каждого*» [Одоевский, 1975, с. 19–21].

Примерно в одно время с романом «Русские ночи» Одоевский создает свое самое известное произведение – сказку «Городок в табакерке» (1834). Согласно сюжету, маленький герой засыпает над подарком отца – занимательной табакеркой, снабженной музыкальным механизмом – и, стремясь познать новое, отправляется в увлекательное путешествие в загадочный мир механики. Путешествие по волшебному городку помогло ему понять, как работает механизм, отчего играет музыка. В сказке присутствуют и воспитательные мотивы. Так, автор советует маленьким читателям усердно учиться механике, что, несомненно, пригодится им в будущем, а также рассуждает о важности осознанного дела, которое придаст жизни необходимую осмысленность. Однако подобно сказкам Ганса Христиана Андерсена – одного из любимых авторов Одоевского – «Городок в табакерке» предназначен не только детям.

Описывая устройство жизни в волшебном городке, Одоевский представляет маленькое подобие надзорного государства Иеремии Бентама – мир совершенной техники и контроля, мир страшный и пустой, в котором царит радио-зло. В механическом городке-табакерке постоянно ведется слежка: дядьки-молоточки следят за мальчиками-колокольчиками и, чтобы не нарушался порядок, постоянно их постукивают; валик-надзиратель руководит длинноносыми молоточками; а за всеми этими диковинными жителями городка строго присматривает царевна-пружинка [Одоевский, 1993].

Заключение: что скрывается за фасадом романтизации?

Переходный характер романа Одоевского отмечен в отечественном литературоведении. «“Русские ночи” – поэтический памятник философско-мистического идеализма как переходной стадии от любомудрия к научному реализму, – пишет Ю.В. Манн, ссылаясь на П.Н. Сакулина [Сакулин, 1913]. – “Русские ночи” – открытая книга Одоевского – представляет одну из ветвей русской эстетической и художественной мысли, выросших из кризиса философской эстетики» [Манн, 1969, с. 148].

Произведение Одоевского знаменует собой завершение эпохи философского романтизма и приход философии позитивизма. В своей критике универсальной односторонности как следствия реалистического схематизма, Одоевский

задолго до Шпенглера предчувствует кризис европейской культуры, кризис европейского Запада.

Эту мысль развивает В.В. Зеньковский: «“Русские ночи” впервые в русской литературе дают критику западной культуры...», – пишет он в «Истории русской философии». «Словами главного героя “Русских ночей”, носящего характерное имя Фауст, Одоевский высказывает мысль о “гибели” Запада, о внутреннем распаде его былой силы. Наука, оторвавшись от “всесоединяющей силы ума”, разбилась на ряд специальных дисциплин, и постижение “целого” оказалось невозможным. Искусство ослабело, т.к. поэты, потеряв веру в себя, потеряли творческую силу. Гибнет и религиозное чувство. Осмелимся же выговорить слово, которое, может быть, теперь многим покажется странным, а через несколько времени слишком простым: Запад гибнет» [Зеньковский, 2011].

То, что предчувствовал и выразил в своих новеллах-притчах Одоевский: безжалостное зло рациональности, трагическая утрата поэтического, злоеший оскал инструментального – мир без поийесиса, мир страшный, пустой и жестокий – все это впоследствии многократно было воспроизведено на полях Первой мировой войны и отразилось в послевоенном искусстве⁴.

* * *

В 1840-х гг. Одоевский предупреждает о грядущих опасностях, которые, однако, «не считает фатально непреодолимыми и неизбежными» [Маймин, 1975, с. 272]. Преодоление опасности рассудочного знания, обретение счастья, открытие невыразимого Одоевский связывает с музыкой, воссоединением музыкального и технического. Он вводит в повествование небольшую новеллу «Цецилия», названную по имени святой покровительницы музыки. В этой новелле автор противопоставляет рациональному миру машины мир красоты и поэзии, который открывает искусство⁵.

⁴ Так, французский композитор К. Дебюсси создает произведение «Могила Куперена», посвященное памяти музыкантов, погибших на полях сражений. Травма событий Первой мировой войны наложила отпечаток на стилистику сочинений М. Равеля. В конце 1919 г. Равель завершил фортепианное произведение «Вальс», ставшее символическим выражением пережитой композитором травмы («вальс на вулкане»). В своей «Краткой биографии» Равель настаивал на том, что он придумал это произведение как некий апофеоз венского вальса, который сметает все нарастающим решительным вихрем. Фортепианный концерт для левой руки, написанный Равелем для пианиста Пауля Витгенштейна, потерявшего на войне руку, – своеобразное продолжение новеллы Одоевского «Бал», воспоминание о тысячах рук и ног погибших солдат, реквием по погибшим. В своем сочинении Равель трансформирует классическую форму концерта для выражения отношения к катастрофам Первой мировой войны [Watkins, 2003, p. 398].

⁵ Здесь я считаю важным продолжить разговор о влиянии философии Ф. Шеллинга, которое В.Ф. Одоевский испытал в начале своего творческого пути, вопросом о более позднем влиянии Шеллинга на М. Хайдеггера. Эта взаимосвязь интересна в том отношении, что каждый из этих философов обращается к вопросу о роли искусства, поэзии – прекрасного в мире, как необходимой составляющей единства и целесообразности мира, как спасительному. Учитывая, что «Вопросы о соотношении “природы, искусства и человека”, “космоса, хаоса,

Продолжая традиции русской социальной мысли и литературы XIX столетия, философская рефлексия о технике в условиях социокультурного кризиса первых десятилетий XX в. проходит путь от окруженного тайной романтического восприятия техники и технического мира в работах К. Циолковского, А. Толстого, А. Богданова к критической рефлексии Н. Бердяева, Б. Вышеславцева.

В работах философов XX–XXI вв. мы находим развитие идей, волновавших Одоевского, подтверждение пессимистических прогнозов, а также попытки вернуть человеку «полноту жизни» [Кюно, web], миру – единство и целесообразность, а технике – утраченную красоту и поэзию (Хайдеггер, Библихин, Брэдбери и др.).

Список литературы

Андерсен, 1899 – *Андерсен Г.Х. Соловей // Андерсен Г.Х. Избранные сказки.* СПб.: Девриен, 1899. С. 74–80.

Акимова, 2016 – *Акимова М.С. Мифологические образы у В.Ф. Одоевского // Новые российские гуманитарные исследования.* 2016. № 11. С. 3.

Бахтин, 2002 – *Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского // Бахтин М.М. Собрание сочинений: в 7 т. Т. 6. М.: Русские словари: Языки славянской культуры, 2002. С. 7–300, 466–505.*

Бердяев, 1989 – *Бердяев Н.А. Человек и машина (Проблема социологии и метафизики техники) // Вопросы философии.* 1989. № 2. С. 147–162.

Булычева, 2004 – *Булычева А.В. Сады Армиды. Музыкальный театр французского барокко.* М.: Аграф, 2004. 464 с.

Веблен, 2018 – *Веблен Т. Инженеры и ценовая система / Пер. с англ., под науч. ред. А. Смирнова. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2018. 112 с.*

судьбы и софии”, “мифа, красоты и символа”... имеют своим истоком Античность» [Желнов, 1996], последовательность рассмотрения этих вопросов Шеллингом, Одоевским и Хайдеггером становится достаточно ясной исходя из влияния, которое оказал Шеллинг на обоих философов. «Именно в искусстве как единстве всеобщего и особенного, – пишет историк философии М. Желнов, – видит Шеллинг попытки человека проникнуть в суть прекрасного как совпадения идеального и реального... Поэзия – это непрерывное продуцирование, “оживление языка”, результатом которого становится мифология как форма бытия, главная форма постижения мира» [Там же]. Хайдеггер, в свою очередь обращаясь к целостности мира и роли искусства, соотносится с Шеллингом. В своих поздних работах он демонстрирует стремление проникнуть к Истине Бытия через поэзию, находя в поэзии спасительное («Но где опасность, там вырастает и спасительное». «Первые строки гелдерлиновского гимна “Патмос” в его заключительной редакции (1802): “Близок и труден для понимания Бог. Но где опасность, там вырастает и спасительное”. Ср. *Maler A. Wo aber Gefahr ist, Wächst das Rettende auch: Zu Hölderlins Bibeltopik // Euphorion, 71, 1977*» – примечание В.В. Библихина к переводу статьи М. Хайдеггера «Вопрос о технике» (1954) [Хайдеггер, 1993]). Хайдеггер сопрягает Бытие, Поэзию и Технику, располагая их в качестве основных векторов существования. Задумываясь о будущем человечества, Хайдеггер говорит, что «ведущим событием истории остается то, что она посылает на путь того или иного исторического осуществления... Дано ли искусству осуществить эту высшую возможность своего существования среди крайней опасности, никто не в силах знать. Но мы вправе ужасаться. Чему? Возможности другого: того, что повсюду утвердится неистовая техническая гонка, пока однажды, пронизав собою все техническое, существо техники не укоренится на месте события истины» [Там же].

Вышеславцев, 2019 – *Вышеславцев Б.П.* Кризис индустриальной культуры. Марксизм, неосоциализм, неолиберализм. М.: Директ-Медиа, 2019. 287 с.

Гозенпуд, 1981 – *Гозенпуд А.А.* Достоевский и музыкально-театральное искусство. Л.: Советский композитор, 1981. 224 с.

Горлин, 2007 – *Горлин М.Г.* К столетию Русских ночей // Князь Одоевский в критике и мемуарах. EBook 2007. URL: http://imwerden.de/pdf/odoevsky_v_kritike_i_memuarah.pdf (дата обращения: 15.05.2023).

Гронден, 2013 – *Гронден Ж.* Позднее открытие Шеллинга в герменевтике / Пер. с нем. и прим. А.В. Вяземского // *Horizon. Феноменологические исследования.* 2013. Т. 2 (1). С. 131–142.

Гудимова, 2021 – *Гудимова С.А.* Музыкально-эстетические воззрения В.Ф. Одоевского // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 3. Философия: Реферативный журнал. 2021. № 4. С. 166–185.

Достоевская, 1992 – *Достоевская Л.Ф.* Достоевский в изображении своей дочери / Пер. с нем. Е.С. Кибардиной; вступ. ст., подгот. текста и примеч. С.В. Белова. СПб.: Андреев и сыновья, 1992. 245 с.

Желнов, 1996 – *Желнов М.В.* «Сущность свободы как истина» и «Сущность истины как свобода» (Идеи Ф. Шеллинга и М. Хайдеггера в наши дни) // Социальная теория и современность. Вып. 21. М.: б.и., 1996. С. 52–80.

Зеньковский, 2011 – *Зеньковский В.В.* История русской философии. М.: Академический проект, 2011. 880 с.

Качков, 2021 – *Качков И.А.* Поэтика романа В.Ф. Одоевского «Русские ночи»: интермедийный аспект // Проблемы исторической поэтики. 2021. Т. 19. № 4. С. 305–319.

Кюно, web – *Кюно Я.* О роли и значении образа «ночи» в «Русских ночах» В.Ф. Одоевского // Одоевский Владимир Федорович. URL: <http://odoevskiy.lit-info.ru/odoevskiy/kritika/yasuhiko-o-znachenii-obraza-nochi.htm> (дата обращения: 17.05.2023).

Лацардциг, 2010 – *Лацардциг Я.* Парадоксальные машины Тцара, Брачелли и происхождения вопроса / Пер. с нем. Б. Скуратова // Философско-литературный журнал «Логос». 2010. № 1. С. 112–132.

Лосев, 1983 – *Лосев А.Ф.* Одно из самых глубоких наслаждений / Беседу вел Вл. Лазарев // Альманах библиофила. Вып. 14. М.: Книга, 1983. С. 22–36.

Маймин, 1975 – *Маймин Е.А.* Владимир Одоевский и его роман «Русские ночи» // *Одоевский В.Ф.* Русские ночи. М.: Наука, 1975. 320 с.

Манн, 1969 – *Манн Ю.* В.Ф. Одоевский и его «Русские ночи» // *Манн Ю.* Русская философская эстетика. М.: Искусство, 1969. С. 104–148.

Миура, 2019 – *Миура Р.* Мысль о музыке В.Ф. Одоевского в «Русских ночах» // Литература и философия: от романтизма к XX в. К 150-летию со дня смерти В.Ф. Одоевского. М.: Водолей, 2019. С. 194–204.

Одоевский, 1975 – *Одоевский В.Ф.* Русские ночи. М.: Наука, 1975. 320 с.

Одоевский, 1947 – *Одоевский В.Ф.* Городок в табакерке. М.: Детгиз, 1947. 16 с.

Сакулин, 1913 – *Сакулин П.Н.* Из истории русского идеализма. Князь В.Ф. Одоевский. Т. 1. Ч. 1, 2. М.: Изд. М. и С. Сабашниковых, 1913. 481 с.

Тахо-Годи, 2019 – *Тахо-Годи Е.А.* О восприятии творчества В.Ф. Одоевского А.Ф. Лосевым: явное и потаенное // Литература и философия: От романтизма к XX веку. К 150-летию со дня смерти В.Ф. Одоевского / Отв. ред. и сост. Е.А. Тахо-Годи. М.: Водолей, 2019. С. 397–411.

Хайдеггер, 1993 – *Хайдеггер М.* Вопрос о технике. Поворот // *Хайдеггер М.* Время и бытие: статьи и выступления / Пер. с нем. В.В. Библихина. М.: Республика, 1993. 447 с.

Шеллинг, 1966 – *Шеллинг Ф.В.Й.* Философия искусства / Пер. с нем. П.С. Попова. М.: Мысль, 1966. 496 с.

Watkins, 2003 – Watkins G. Proof through the night: Music and the great war. Berkeley: University of California Press, 2003. 597 p.

Purcell, 2016 – Purcell H. “Come Come Ye Sons Of Art” – Ode for birthday Queen Mary composed in 1694 year “Wondrous Machine” // Nicolas Brooymans. 24 Dec., 2016. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=td1CbtMZ0ос> (дата обращения: 17.05.2023).

Reflection on technology in social mythology of V.F. Odoevsky: the end of romantic mechanism

Tatiana Yu. Sidorina

National Research University “Higher School of Economics”. Myasnitckaya Str., 20, Moscow, 101000, Russian Federation; e-mail: tsidorina@hse.ru

The article is devoted to the origins of reflection on technology in Russian philosophy and literature from the 19th and 20th centuries. Our focus is on the technical developments and the phenomenon of technology as it appears in the works of the Russian philosopher Vladimir Odoevsky. The appeal to Odoevsky’s ideas is of particular relevance in today’s context of the formation of technological societies and perspectives. It is with the achievements of mechanics and technology that Odoevsky correlates his hopes for the good development of man and society, he connects the enlightenment and education of young people. At the same time, Odoevsky sees the danger lurking in mechanism and rational knowledge. This danger will be the loss of integrity, decay and devastation that will befall the world that has survived the crisis of culture. Turning to the work of the thinker, we trace the trends in reflection on technology from a philosophical position, as well as in unity with the poetic and musical. The theoretical basis of the study is the opposition of Odoevsky’s technical and poetic as vectors of social development. As a result of the analysis, the author of the article comes to an ambivalent assessment of the role of technology by Odoevsky, contrasting the romanticization of technology with the negative prospects of the “industrial”, “egoistic” century, which are further developed in the domestic and foreign philosophy of technology and anti-utopia of the 20th and 21st centuries. In his futuristic projects, Odoevsky discovers the potential of scientific foresight, embodied in the achievements of modern science and technology. The transition in the assessment of technology from idealism to scientific realism and positivism, reasoning of a social orientation (“Russian Nights”, 1844), the key opposition in Odoevsky’s concept of the romanticization of technology to the negative prospects of technical expansion is further developed in the domestic and foreign philosophy of technology of the 20th and 21st centuries. The modern appeal to reflection on technology in Russian philosophy and literature is due to the expansive introduction of technology into the life of society, the rejection of ethical neutrality and the trend towards autonomy, as well as the demand for the modern educational process, university training programs for both humanitarian and technical orientation.

Keywords: technology, romanticism, utopia, future, mechanism, V.F. Odoevsky, society, education, musical, poetic

Acknowledgments: This work was supported by the Russian Science Foundation, project “Reflection on technology in Russian philosophy of culture of the XX–XXI centuries as a response to the anthropological crisis and the technocratic imperative of modernity”, No. 23-28-00273. URL: <https://rscf.ru/project/23-28-00273/>

References

- Andersen, H.C. "Solovey" [The Nightingale], in: H.C. Andersen. *Izbrannie skazki* [Selected Tales]. St. Petersburg: Dervien Publ., 1899, pp. 74–80. (In Russian)
- Akimova, M.S. "Mifologicheskie obrazi u V.F. Odoevskogo" [Mythological Images in V.F. Odoevsky], *Novye rossiyskie gumanitarnye issledovaniya*, 2016, no. 11, pp. 3. (In Russian)
- Bakhtin, M.M. "Problemi poetiki Dostoevskogo" [Problems of Dostoevsky's Poetics], in: M. Bakhtin. *Sobranie sochinenii: v 7 t.* [Collected Works: 7 vols.], vol. 6. Moscow: Russkie slovari: Yaziki slavianskoy kulturi Publ., 2002, pp. 7–300, 466–505. (In Russian)
- Berdyayev, N.A. "Chelovek i mashina (Problema sociologii i metafiziki tehniki)" [The Man and the Machine (Problem of Sociology and Metaphysics of Technology)], *Voprosi filosofii*, 2023, no. 2, pp. 147–162. (In Russian)
- Bulicheva, A.V. *Sadi Armidi. Muzikal'nyy teatr francuzskogo barokko* [Gardens of Armida. French Baroque Musical Theater]. Moscow: Agraf Publ., 2004. 464 pp. (In Russian)
- Dostoevskaya, L.F. *Dostoevsky v izobrazhenii svoei docheri* [Dostoevsky in the Image of his Daughter], trans. from German by E.S. Kibardina, ed. by S.V. Belov. St. Petersburg: Andreev i sinovya Publ., 1992. 245 pp. (In Russian)
- Gorlin, M.G. "K stoletiiu Russkikh nochei" [To the Centenary of Russian nights], *Knyaz' Odoevsky v kritike i memuarah* [Prince Odoevsky in Criticism and Memoirs], EBook 2007. http://imwerden.de/pdf/odoevsky_v_kritike_i_memuarah.pdf (accessed on 15.05.2023). (In Russian)
- Gozenpud, A.A. *Dostoevsky i muzikal'no-teatral'noe iskusstvo* [Dostoevsky and Musical and Theatrical Art]. Leningrad: Sovetskiy kompozitor Publ., 1981. 224 pp. (In Russian)
- Grondin, J. "Pozdnee otkritie Shellinga v germenevtike" [Schelling's Late Discovery in Hermeneutics], trans. from German and notes by A.V. Vyazemsky, *Horizon. Fenomenologicheskiye issledovaniya*, 2013, vol. 2, no. 1, pp. 131–142. (In Russian)
- Gudimova, S.A. "Muzikal'no-esteticheskie vozzreniya V.F. Odoevskogo" [Musical and Aesthetic Views of V.F. Odoevsky], *Social'nie i gumanitarnie nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Ser. 3, Filosofiya: Referativnyi zhurnal*, 2021, no. 4, pp. 166–185. (In Russian)
- Heidegger, M. "Vopros o tekhnike. Povорот" [The Question Concerning Technology. The Turn], in: M. Heidegger. *Vremya i bitie: statyi i vystupleniya* [Time and Being: articles and Speeches], trans. from German by V.V. Bibikhin. Moscow: Respublika Publ., 1993. 447 pp. (In Russian)
- Kachkov, I.A. "Poetika romana V.F. Odoevskogo 'Russkie nochi': intermedial'nyy aspekt" [Poetics of V.F. Odoevsky's novel "Russian Nights": an intermedial aspect], *Problemi istoricheskoy poetiki*, 2021, vol. 19, no. 4, pp. 305–319. (In Russian)
- Kuno, Y. "O roli i znachenii obraza 'nochi' v 'Russkikh nochakh' V.F. Odoevskogo" [On the Role and Meaning of the Image of "Night" in "Russian Nights" by V.F. Odoevsky], *Vladimir Fedorovich Odoevsky*. <http://odoevskiy.lit-info.ru/odoevskiy/kritika/yasuhiko-o-znachenii-obraza-nochi.htm> (accessed on 17.05.2023). (In Russian)
- Lazardzig, J. "Paradoksal'nie mashini Tsara, Brachelli i proiskhozhdenie voprosa" [Paradoxical machines of Tzara, Bracelli and the origin of the question], trans. from German by B. Skuratov, *Filosofsko-literaturniy zhurnal "Logos"*, 2010, no. 1, pp. 112–132. (In Russian)
- Losev, A.F. "Odno iz samykh glubokikh naslazhdenii. Besedu vel VI. Lazarev" [One of the deepest pleasures. The conversation was led by VI. Lazarev], in: *Al'manakh bibliofila*, no. 14. Moscow: Kniga Publ., 1983, p. 22–36. (In Russian)
- Mann, Yu.V. "V.F. Odoevsky i ego 'Russkie nochi'" [V.F. Odoevsky and his "Russian Nights"], in: Yu.V. Mann. *Russkaya filosofskaya estetika* [Russian Philosophical Aesthetics]. Moscow: MALP Publ., 1998. 381 pp. (In Russian)

Maymin, E.A. “Vladimir Odoevsky i ego roman ‘Russkie nochi’” [Vladimir Odoevsky and His Novel “Russian Nights”], in: V.F. Odoevsky. *Russkie nochi* [Russian Nights]. Leningrad: Nauka Publ., 1975, pp. 247–276. (In Russian)

Miura, R. “Mysl’ V.F. Odoevskogo o musike v ‘Russkikh nochah’” [V.F. Odoevsky’s Thought About Music in “Russian Nights”], in: *Literatura i filosofiya: ot romantizma k XX veku. K 150-letiyu so dnya smerti V.F. Odoevskogo* [Literature and Philosophy: From Romanticism to the 20th Century. To the 150th Anniversary of the Death of V.F. Odoevsky]. Moscow: Vodoley Publ., 2019, pp. 194–204. (In Russian)

Odoevsky, V.F. *Russkie nochi* [Russian Nights]. Moscow: Nauka Publ., 1975. 320 pp. (In Russian)

Odoevsky, V.F. *Gorodok v tabakerke* [Town in a Box]. Moscow: Detgiz Publ., 1947. 16 pp. (In Russian)

Purcell, H. “‘Come Come Ye Sons Of Art’ – Ode for bithday Queen Mary composed in 1694 year ‘Wondrous Machine’”, *Nicolas Brooymans*, 24 Dec., 2016. <https://www.youtube.com/watch?v=td1CbtMZOoc> (accessed on 17.05.2023).

Sakulin, P.N. *Iz istorii russkogo idealizma. Knyaz’ V.F. Odoevskiy. Myslitel’-pisatel’* [From the History of Russian Idealism. Prince V.F. Odoevsky. Thinker-Writer], vol. 1, pt. 1, 2. Moscow: Izdatel’stvo M. i S. Sabashnikovykh Publ., 1913. 481 pp. (In Russian)

Shelling, F.V.J. *Filosofiya iskusstva* [Philosophy of Art], trans. from German by P.S. Popov. Moscow: Mysl’ Publ., 1966. 496 pp. (In Russian)

Takho-Godi, E.A. “O Vospriyatii tvorchestva V.F. Odoevskogo A.F. Losevim: yavnoe i potaennoe” [On the perception of V.F. Odoevsky by A.F. Losev: explicit and hidden], in: *Literatura i filosofiya: Ot romantizma k XX veku. K 150-letiiu so dnya smerti V.F. Odoevskogo* [Literature and Philosophy: From Romanticism to the 20th Century. To the 150th anniversary of the death of V.F. Odoevsky], ed. by E.A. Takho-Godi. Moscow: Vodoley Publ., 2019, pp. 397–411. (In Russian)

Veblen, T. *Injeneri i tsenovaya sistema* [The Engineers and the Price System], trans. from English, ed. by A. Smirnov. Moscow: HSE Publ., 2018. 112 pp. (In Russian)

Vysheslavtsev, B.P. *Krisis industrial’noy kul’turi. Marksizm, neosocialism, neoliberalism* [Krisis of Industrial Culture. Marxism, Neosocialism, Neoliberalism]. Moscow: Direkt-Media Publ., 2019. 287 pp. (In Russian)

Watkins, G. *Proof through the night: Music and the great war*. Berkeley: University of California Press, 2003. 597 pp.

Zenkovsky, V.V. *Istoriya russkoy filosofii* [History of Russian Philosophy]. Moscow: Akademicheskyyi proekt Publ., 2011. 880 pp. (In Russian)

Zhelnov, M.V. “‘Sushnost’ svobodi kak istina’ i ‘Sushnost’ istini kak svoboda’ (Idei F. Shellinga i M. Haideggera v nashi dni)” [“The Essence of Freedom as Truth” and “The Essence of Truth as Freedom” (The Ideas of F. Schelling and M. Heidegger Today)], *Social’naya teoriya i sovremennost’*, issue 21. Moscow, 1996, pp. 52–80. (In Russian)